Тэдлытэм во.
Век слепоты.

узелковая магия коми

Нина Изъюрова

древняя магия коми

Нина Изъюрова

Тэдлытэм во. Век слепоты.

«Автор»
2026

Изъюрова Н.

Тэдлытэм во. Век слепоты. / Н. Изъюрова — «Автор», 2026

Древние богатыри мертвы. Реальное зло — никуда не исчезло.Этот мистический триллер — хроника рождения нового защитника коми народа. На стыке самобытного северного фольклора и подлинного, пугающего личного опыта автора родилась история о герое, способном бросить вызов современному воплощению тьмы.Но заигрывание с темными силами не проходит бесследно. Писать эту книгу было невыносимо трудно — граница между текстом и реальностью истончилась, и мистика ворвалась в её собственную жизнь: она обнаружила свежий подклад и следы чёрного обряда. Вас ждёт:1. Атмосфера липкого северного кошмара: где за привычной реальностью скрывается древняя магия коми.2. Противостояние с колдуном-тэдны: сущностью, которая знает ваши главные слабости и питается вашим страхом.3. История обретения силы: о том, как из пепла беззащитности рождается истинный защитник.Готовы ли вы заглянуть в глаза истинному страху и узнать, кто станет новым щитом коми земли? Откройте книгу... если осмелитесь.

© Изъюрова Н., 2026
© Автор, 2026

Нина Изъюрова
Тэдлытэм во. Век слепоты.

Предисловие автора

Когда ещё в детском саду я узнала о смерти Перы - богатыря, гибели Йиркапа - национальных героев моего народа - я почувствовала себя такой беззащитной.

Именно отсутствие образа защитника, как внутри, так и снаружи, сильно помешало мне в жизни - сделать самые важные шаги вовремя.

Мой коми народ обделён - решила я - у него нет защитников ни перед внешними, ни перед внутренними врагами.

Богатыри остались в далёком прошлом, а жизнь идёт.

И зло - не дремлет.

Оно как было, так и осталось, и никуда не делось.

И даже преумножилось.

Я решила восполнить этот пробел, создав на основе коми фольклора и личного опыта историю рождения нового героя-защитника коми народа, борющегося с реальным злом современности.

Эту книгу было невыносимо трудно писать.

Мне самой было очень страшно.

Особенно страшно было войти в дом колдуна-тэдны (в книге).

Особенно после того, как на моём дачном участке я обнаружила свежий подклад и следы проведённого чёрного обряда (в реальной жизни, во время написания книги).

Я знаю, что тэдны легко находит слабые места человека, и бьёт по ним.

Бело-рыжий котёнок в 9 главе запустил во мне желание избавиться от того, что на самом деле питает меня.

И начал в реальной жизни искать прописку вернуться в мою реальность.

В первый раз - девушкой с коляской.

Во второй - долгими поисками симки, другим, в моём присутствии. С ожиданием, что я начну помогать.

В третий - полураздетым в холод парнем в сопровождении полицейских, и чтобы я оплатила его проезд.

Как это сработало - загадка.

Слова, найденные мною поставить точку в наших отношениях, закрепились в подсознании.

В самые тёмные моменты написания книги, когда страх парализовал, рядом со мною было живое тепло.

Я приношу мою глубокую благодарность кошке Мурке, и моим детским воспоминаниям о ней.

Израненная схватками с крысами, она, как только отходила от полученных ран, снова спускалась в подполье.

Я тогда, в детстве, не понимала, зачем она это делает?

Там - опасно, крыс - много, а она - одна.

И ей никто не поможет.

Я крыс боюсь, родители - тоже.

Когда крыс становилось особенно много, и они уже свободно начинали бегать по дому, даже днём, перебегать из дома в дом, соседи давали своих кошек друг другу, для уничтожения крысиных стай.

Это было продиктовано суровой необходимостью.

Оставшаяся в чьём-либо доме крыса быстро плодилась, множа зло вокруг себя.

Я наблюдала, как соседские кошки с визгом выскакивали из подполья, оставляя Мурку там одну.

Прикрытый фанеркой выход из подполья, чтобы кошки не выбегали, мало помогал.

Фанерка ходила ходуном и вылетала, когда соседские кошки скреблись об неё и завывали, чтобы их выпустили.

А Мурка - оставалась там. Одна.

И когда Мурка после всего этого возвращалась с очередным трофеем - я восхищалась и гордилась ею.

Она делала это ради своих котят.

Мурка держала баланс, защищая территорию, вверенную ей людьми.

Сами люди сделать этого не могли.

Память о Мурке, её безмолвное присутствие и её преданность своему делу помогли мне не сдаться, пройти этот путь до конца и дописать эту книгу.

Глава 1: Возвращение в темноту

Оранжевый автобус громко чихнул, и смачно выплюнул варёных пассажиров из своей утробы, пахнущей бензином.

На полуразрушенную, красного кирпича остановку, скрывающуюся от посторонних глаз, вышли трое.

Дорожная пыль, поднятая ветром с реки, улеглась, открыв глазам полный обзор окружающей обстановки.

Первый шаг на родной земле.

Он дался ему с трудом.

Городской Бунтарь вдохнул воздух полной грудью, и закашлялся.

Гулко заколотилось в груди.

Низ живота запульсировал, разгоняя кровь.

Обожгло грудь, кольнуло лёгкие.

Не такой бы он видел эту встречу, но не всё в его власти. Чтож.

Он не был здесь 30 лет. Совсем бы и забыл местный запах, преследовавший его даже в снах.

Облезлая чёрная кошка со свежим шрамом на спине побежала через дорогу, выскочив как будто из-под самых его ног.

От внезапности произошедшего Городской Бунтарь запнулся, на ровном месте. Громко вслух выругался, помянув недобрым словом кошку, её мать, и это место.

Потом он трижды сплюнул через левое плечо, зная, что ему это не поможет.

Сделал это так, на всякий случай, в который тоже не верил.

Со злостью сломал сигарету, которую держал в руке, готовясь сразу на выходе из автобуса закурить, и отшвырнул её от себя.

С самого детства все шишки обычно сыпались на него, поэтому для него было бы страннее, если бы плевки ему помогли.

Он поправил рюкзак, гирей висевший на спине, отряхнул прилипшую ещё в автобусе пыль с брюк цвета хаки, и засунул истатуированные пальцы рук в карманы короткой чёрной кожаной куртки с поднятым воротником.

Нужно идти.

Желания нет.

Поскорее бы разделаться с этими делами, и свалить обратно.

Если бы не долги, накопившиеся в городе, чихать бы он хотел на этот порожняк, в который сейчас вписался.

Вчера Лёха недвусмысленно сказал ему, что искать труп никто не станет - подать заявление о пропаже человека некому.

Не станет же он думать, что Натаха, городская шмара, будет писать заявление на того, кто заменил ей отца?

От этих воспоминаний он поёжился.

Шутить с Лёхой - себе дороже.

Он помнил, чем закончились его прошлые дела с ним.

Хорошо, жив остался.

А Натаха.

Что Натаха?

Выросшая без отца и матери, при живых родителях, что можно от неё ожидать?

Он и не ожидал.

Хорошего не дождёшься, а другого - и не надо.

И всё же он продолжал зачем-то с нею жить.

Деля постель и тяготы бытовухи, всё глубже скатывался в пропасть.

Странно как-то в последнее время распределились их обязанности.

Она пропадала на работе, а он занимался домашними делами.

Он спрашивал у друзей, которые ещё остались, с предыдущих работ - у многих была похожая ситуация.

Сначала такое положение дел вызывало у него вопросы, а потом - вопросы отпали.

Это стало нормой.

Он сидел дома, скучая.

Вечером, за ужином, слушал рассказы Натахи о своей работе, задавал вопросы, искренне пытаясь вникнуть в суть происходящего в её жизни.

Его удивляло, почему те проблемы, с которыми она сталкивается, повторяются из раза в раз.

Вот она ищет работу. Находит. Устраивается. Начинает работать. У неё получается. Её самооценка повышается. Она начинает светиться счастьем. Всё хорошо. И вдруг - аврал. Катаклизм. Вселенская катастрофа. Натаха валяется с давлением, пьёт валидол, валерьянку, нитроглицерин горстями, увольняется, и сидит дома. Потом опять ищет работу. Цикл повторяется.

Чтобы закрыть долги по коммуналке, он берёт микрозайм у знакомого. А она снова теряет работу.

Долг нужно вернуть.

Сумма небольшая, но он знал, чем заканчивалось подобное для других, кого потом находили на свалке с переломанными ногами.

Знал, что эти люди - не шутят.

Они, в отличии от него, Городского Бунтаря, бунт которого часто сводился к тому, чтобы просто идти всему наперекор, даже если это было себе в ущерб, точно знали, чего хотят от жизни.

Знали, и чего хотят, и знали, как это получить.

Их не смущала цена, не мучила совесть.

Они знали, чего хотят.

А он, Городской Бунтарь, запутался в отношениях с Натахой, не понимая, ни чего он хочет от неё, ни зачем он с ней.

Он пробовал примерять на себя их шкуры, но ему в них было неуютно.

Шкура волосатая, но - не грело.

Он честно искал, что могло бы его согреть.

Находил. И это уже даже начинало согревать его.

Но потом происходил катаклизм, как у Натахи, и то, что ещё вчера согревало его - сегодня оказывалось на свалке.

Чем он отличался от тех, кто выкидывал людей со сломанными ногами на свалку?

Только тем, что внутри себя он считал себя лучше их.

Он нищенствует, а они - богатые. Всё понятно.

А что именно понятно?

Понятно, что всё понятно.

И вопросы уже не возникают.

Но и нищенствовать его не грело.

Он видел профессиональных нищих.

Они несли это по жизни гордо, как флаг, не стыдясь своего положения.

В их продуктовых корзинках лежали обычные овощи, и сумма чека на кассе выходила по триста - четыреста рублей.

А он набирал то, чего оплатить был явно не в состоянии.

Кредитная система, быстрые деньги, приучили его к мысли, что можно жить в долг. Можно потреблять больше, чем можешь оплатить.

И это же перешло и на его отношения с Натахой.

Он мог одновременно жить с ней, и встречаться с другими женщинами, на их и своей территории.

Это создавало вокруг него некий таинственный ореол, и такой окраски, что это ещё больше притягивало однодневок.

Точнее, одноночек.

Фу, и сам запутался.

Он отмахнулся и от этой мысли - в общем, и так понятно.

-

Оооо!!! Мый нӧ тані сулалан? Регыд понъясӧн кутам тэнӧ корсьны!

-

Оооо!!! Чего же здесь стоишь? Скоро собаками будем тебя искать! - голос словами на коми языке обратился к нему.

Он обернулся.

Маленькая сухонькая старушка стояла позади него, подслеповато щуря глаза неопределённого цвета.

На старушке был плащ, заношенный, но опрятный. Цвет плаща тоже не определялся, настолько он был стар.

Гладко зачёсанные назад седые волосы были спрятаны под платок.

-

Ми тэнӧ виччысям. (Коми язык).

-

Мы тебя ждём. (Перевод).

И они пошли туда, где его уже ждали.

Заброшенная коми деревня производила тяжёлое впечатление.

Полуразрушенные деревянные дома, с провалившимися вовнутрь дома двускатными крышами.

Заборов не было. Кое-где местами стояли вкопанные в землю деревянные столбы, как бы намекая на границу между домовладениями.

Верхние концы столбов были заострены.

-

Это чтобы стекала влага, и он дольше служил, - мелькнуло у него в голове.

Это напомнило ему вышки, окружавшими по периметру исправительную колонию, в которой он по малолетству отбывал срок.

Вышки торчали, пиками подпирая свинцовое небо, грозившее покарать грешников своею тяжестью за малейшую провинность.

Столбы стояли, как напоминание того, чем Коми издавна была.

Местом ссылки.

Почему деревенские столбы стали не только столбами границы, пересекая которую, попадаешь в другой мир, но и стали вышками колоний?

И какое наказание несут жители деревни?

Вот и дом, к которому они шли.

Он производил странное впечатление.

Заброшенный, как и большинство местных домов, он всё же от них отличался.

Старая облупленная краска намекала на то, что снаружи дома, когда-то, рамы маленьких окон были покрашены.

Потрескавшиеся брёвна стен поросли мхом, давшим приют мошкаре, нещадно грызущей стоявших на крыльце встречающих.

Они негромко переговаривались между собой, ожидая, когда он подойдёт ближе.

Городской Бунтарь не спешил.

Маленькая сухонькая старушка молча исчезла на полпути, удостоверившись, что он дойдёт, и оставив его одного.

Соседки громко судачили, поджимая посиневшие губы в нитку и театрально закатывая глаза.

-

Приехал, мömöт (несмышлёныш)! И не запылился! Эз и вош, йöйюк! (И не пропал, дурачок). На дедовское-то наследство губы раскатал! Шаньгою не подавился, так смотри ж ты, на дом его потянуло!

-

Ага, нахлебник и тунеядец, каких свет не видывал! Всё по зонам да по тюрьмам, а сейчас, ишь! Участок отхватить хочет! Своей городской крале на блюде его преподнести, небось, хочет! И как таких земля носит?

-

Жил бы в своём городе, а к нам нечего нос совать! Мы сами с усами!

Хлёсткое “зырымбедь!” (сопливая палка), непонятно кем сказанное, ударило его по ушам, как оплеуха.

Увидев его приближение, растянули поджатые губы в улыбку.

-

Здрасьте, пожалте! Никак в гости пожаловали? А ваши-то давно на месте, ждут.

Всё равно тебе ничего не светит, так что мог бы и не приезжать. Только зря ноги топтал. Хотя, тебе не привыкать. На каторгах привык, наверное.

Их тон с насмешливого резко поменялся на откровенно хамский.

Оплёванный, он грустно посмотрел на соседок, и сплюнул в их сторону.

-

Дома нечем заняться? Лучше бы пирогов испекли.

Звучным резким щелчком он скинул непотушенную сигарету в их сторону и зашёл в дом, гулко ступая толстой подошвой поношенных берц по старым рассохшимся доскам пола.

В комнате, куда он вошёл, на деревянном дощатом столе было пусто.

Вокруг него на скамейках расселись сестра с семьёй и брат.

Молча уставились на него.

Он тоже молчал.

Обстановку разрядил брат, начавший говорить первым.

-

Значит, так.

Мы уже до тебя всё обсудили, и решили, что твоей доли в наследстве нет.

Ты свалил в город, когда началась вся эта кутерьма. А сейчас приехал, когда речь зашла о деньгах.

За участок много не дадут, как и за дом.

Деревня заброшенная, городские здесь не покупают участки, местным своей земли хватает.

Так что делить нечего.

Городской Бунтарь возразил:

-

Я тебя услышал.

Покажи бумаги на наследство.

Я хочу их видеть.

Тут в разговор вмешалась сестра:

-

О каких бумагах идёт речь?

Сельсовета нет, межевание не проводили.

В юстиции этого дома нет, как и участка.

Брат прав - делить нечего.

И продавать тоже.

Городской Бунтарь молча прошёл в соседнюю комнату.

На стене висело дедовское ружьё.

-

Я могу взять это в качестве моего наследства?

От неожиданности его поступка сестра и брат не нашлись, что ответить ему.
Это ружьё висело на стене столько, сколько он себя помнил.
И давно стало частью интерьера, на которую не обращают внимание.

-

Ружьё беру я. - Муж сестры сказал, как отрезал. - Это - моё.

С этими словами он встал, и силою забрал ружьё.

-

Как будем делить это? - С этими словами Городской Бунтарь прошёл за печку, и вытащил оттуда свёрток.

Старая ткань, потерявшая цвет, напомнила ему глаза старушки, встретившей его на остановке.

Положив на стол свёрток, он отошёл в сторону.
Его планы на долю в участке и доме терпели фиаско, и внутри себя он легко принял это поражение.

-

Я - старшая, это должно быть моим. - Сказала сестра.

-

А я - наследник. Это тем более должно быть моим. - Сказал брат.

После этих слов Городской Бунтарь резко развернулся, и вышел из комнаты.
Его миссия, с которой он приехал сюда, провалилась.

Железобетонные аргументы, которые он услышал, не давали ему даже права находиться здесь.

Когда он спешно покинул границы участка, вслед ему громко закаркала ворона, на тревожный крик которой начали слетаться и другие вороны.
Её недовольство передалось и им, и маленькой стаей, постепенно разраставшейся в размерах, кружа, они начали преследовать его.
Он шёл, сопровождаемый кружащей над ним истошно орущей воронкой из чёрных ворон.
Вороны резкими взмахами чёрных крыльев неистово кромсали воздух, как бы закрывая этим идущему дорогу назад, к той городской жизни, к которой он привык.

До остановки путь был недалёким, он знал это.
По его расчётам, он давно уже должен был дойти, а её всё не было.
Он помнил эту дорогу, и опирался на свою память.
Вот она - знакомая изба на крутом повороте.
Он всегда считался опасным - этот поворот.

На нём часто сбивали бычков, насмерть.

Сбитое трактором животное долго мучалось, издавая хрип, который потом ещё долго стоял в ушах.

Кто-то придумал добивать сбитых бычков, свежуя их прямо на месте.

А потом, вечером, мимо этого места шло стадо, с пастбища, домой.

Коровы, учуяв запах свежей крови, останавливались на этом месте, и начинали звучно реветь, высоко задрав голову вверх. Белки их глаз становились красными, от напряжения.

Они не реагировали ни на громкие крики пастуха, ни на жгучий хлыст, ни на мощные удары кнутом, от которого дрожала даже земля.

Их невозможно было стронуть с места.

Быки вели себя иначе.

В такие моменты они убегали из стада, скрываясь в близлежащем овраге, поросшем ивняком.

Вот и поворот уже пройден, а остановки всё нет.

Погрузившись в воспоминания, Городской Бунтарь только сейчас заметил кружащих над собой ворон.

Не придавая этому большого значения, поступая, как и в большинстве случаев, он не заметил, как прошёл остановку.

Визг тормозов остановившейся рядом с ним машины вернул его в реальность.

Муж сестры был за рулём.

Он требовательно пощёлкал пальцами в приоткрытое окно машины, подзывая его к себе.

-

Как собаку. - Мелькает мысль в голове у Городского Бунтаря. - Сделаю вид, что не замечаю его.

Он оглядывается, в поисках остановки.

В ушах начинает звенеть.

-

В таком состоянии нет смысла вести разговоры. Как надолго в этот раз? - С тоской думает он.

Шум и раньше накрывал его, и предугадать ни его появление, ни его продолжительность он не мог.

Другие люди считали, что таким способом он избегает общения.

А он ничего не мог с этим сделать.

Почему он никому не говорит об этом звоне в ушах?

Когда он был маленьким, и ещё мог открыто дружить с другими детьми в своей и других деревнях, он знал, что такой звон в ушах был у нескольких детей.

Его радовало, что то, что происходит с ним - нормально, потому что и у других детей было то же, что и у него.

А потом он случайно узнаёт, что эти дети потерялись в лесу.

Его это искренне удивляет, потому что чтобы потеряться в лесу - это ещё нужно постараться.

Они выросли в лесу, как у себя дома.

Каждый местный овраг, ручей, тропинка - знакомы.

А ещё позже он узнаёт, что этих детей принесли в жертву, отдав их лесному чёрту.

Дома он пробует осторожно расспросить у взрослых, кто это - лесной чёрт? И зачем ему дети? И почему - именно эти?

По реакции взрослых на его вопросы он приходит к выводу - звон в ушах нужно скрывать.

Это может плохо кончиться и для него.

И он скрывает.

Факт, что дети исчезли - не уехали, сменив место жительства - а исчезли - сделал его ещё осторожнее.

Среди местных детей было безоговорочно принято, что если кто-то далеко и надолго уезжает, например, в пионерский лагерь, или к бабушке в другую деревню - уезжавшие сами первыми приходили прощаться.

Это был звоночек для остальных, как проверочный сигнал.

И его брали на контроль.

Периодически поочерёдно приходили проверить к дому, появился ребёнок, или нет?

Кидали камушек на крышу - это был условный сигнал.

Услышавший его моментально выскакивал на улицу, показаться.

Вот он, я. Жив, здоров.

А эти пропавшие - не пришли.

Он спрашивал у других детей - пропавшие не приходили к ним прощаться тоже.

Так никогда не поступали, ценя детскую дружбу превыше всего.

Внутри Городского Бунтаря снова вспыхнула ярость.

Быки, внезапно атакующие из кустов, взрослые, уводящие своих детей в лес, голодные собаки - сколько ещё???

Муж сестры просил - не требовал в своей обычной манере - чтобы он вернулся.

На вопрос “Зачем?” махнул рукой - сам увидишь.

В доме стояла тишина.

Мёртвая.

Звуки внешнего мира не попадали сюда.

За столом сидели всё те же самые, исключая мужа сестры, который стоял рядом.

-

Ты знаешь, что это? - Вопрос сестры прошелестел, как осенние листья под метлой дворника.

-

Наше наследство.

Ты - старшая сестра.

Брат - наследник.

Я поехал домой.

Вопросы ещё есть?

Из-за этого не стоило меня звать обратно.

По тусклому взгляду присутствующих он понял, что они разворачивали свёрток, и то, что они увидели - им не понравилось.

Он был честен с ними.

Вынул спрятанный свёрток, и отдал им.

Что ещё?

Глава 2: Признание металла

-
Ты знаешь, что это? - повторила свой вопрос сестра.
-
Что ты видела?
-
Нож.
-
Что тебе непонятно в ноже?

Тут в разговор вмешался брат.

-
Она хочет спросить, какое отношение этот нож имеет к нам?
-
В этом слове “нам” ты имеешь в виду себя с сестрой, или нас - троих?

Пришло время брата задуматься над ответом.
Кого же он имеет в виду, говоря - “нам”?
И почему в его “нам” нет третьего?
Наконец он нашёлся, определившись.

-
К нам, с сестрой?
-
Если мне не изменяет память, недавно я вынул этот свёрток из-за печки, и положил его на стол, не разворачивая.
Сестра сказала, что она - старшая.
Ты сказал, что ты - наследник.
Я понял, что вы поделите этот свёрток между собой, как до этого поделили участок и дом.
В чём проблема?
-
Посмотри сам.
-
Свёрток лежал за печкой 30 лет.
Я живу в городе.
Я не видел его столько же, как и тебя.
Почему я должен на него смотреть?
На ваше наследство с сестрой?

Повисла пауза.
Городской Бунтарь понял, что у него больше нет вопросов, ни к себе, ни к ним, и вышел на крыльцо.
Вдохнул полную грудь воздуха, и шумно выдохнул.

-
Зачем было возвращаться? На что я рассчитываю?

Как ни странно, второй раз путь до остановки был и быстрее, и веселее.

Вот и она, родимая.

Пока шёл, весело насвистывая, в голове сложился план, как выплатить микрозаймный долг, найдя новую работу.

Натаху на это время лучше всего отправить на юг, к морю.

Пускай развеется, это пойдёт ей на пользу.

Вот и автобус.

Он сел, займя место в самом углу.

В салоне он был один.

Он и водитель, скрытый болтающейся ширмой из тёмной бархатной ткани, отороченной тесьмой с бубенчиками из цветных ниток.

Бубенчики весело болтались в разные стороны, подпрыгивая на ухабах лесной дороги.

Подъём в гору затянулся.

Двигатель автобуса натужно хрипел, вбрасывая угарный газ прямо в салон.

Городской Бунтарь открыл окно, чтобы впустить свежий воздух.

Ветка ели, стоявшей у края дороги, влетела в открытое окно, больно ударив его по лицу, ободрав кожу до крови.

Эта боль отрезвила его, надышавшегося угаром.

Он решил попить воды, и открыл рюкзак.

Нашарил рукой бутылку.

Рядом с холодной бутылкой лежал какой-то плотный свёрток.

Он стал вспоминать, что бы это могло быть?

Так и не вспомнив, вытащил свёрток наружу.

Он точно помнил, что, когда покидал дом, этот свёрток остался лежать на столе.

Он не клал в рюкзак ничего со стола, и вообще, не снимал рюкзак со спины.

И даже не проходил в комнату, а оставался стоять у порога.

И вот теперь этот свёрток лежал в его руке.

Это вызвало смешанные чувства.

Обида, злость, ненависть, ярость, за последние годы утихнувшие было в нём, вспыхнули теперь с новой силой. И - страх.

Он бы вышвырнул этот свёрток, с преогромным удовольствием, по пути ещё оскопив и память, чтобы никогда не вспоминать о нём.

Но - не мог.

Не мог, потому что оскоплённая память - плохой попутчик.

Лёжа на холодной шконке, он помнил - кто он.

Хлебая пустую баланду, он помнил - кто он.

Он мог забыть на время, кто он - но всегда находился тот, кто приходил, и напоминал ему - кто он.

И вот сейчас этот свёрток снова пришёл, чтобы напомнить ему - кто он.

Он бережно развернул ткань.

Блеск холодного металла прорвался сквозь редкое переплетение нитей.

Двигатель автобуса окончательно заглох, и автобус остановился по принуждению, уткнувшись носом в глубокую колею.

Водитель вышел, и, чертыхаясь, проклиная себя, машину, дорогу, судьбу, бога и дьявола, начал обходить автобус вкруговую.

Проклятья не помогали.

На пятом круге до него дошла бессмысленность этих действий, и он остановился, как вкопанный.

Надеяться на случайную машину, которая помогла бы вылезти из колеи - не вариант.

Обычно другие машины, завидев застрявшую, старались объехать её стороной. Водитель хорошо знал об этом, он же вырос здесь. И сам поступал точно так же.

Потом, за праздничным столом, он, с друзьями и родственниками, со смехом рассказывал другим, как долго мучались те, кто попал в трудную ситуацию. И похожие рассказы сыпались, как из рога изобилия, от сидящих за одним столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.